«Въ біографіи каждаго человѣка «очень часто имѣетъ значеніе небольшая черточка его характера, которая «иногда, совершенно неожиданно, даетъ «его образъ въ совершенно новомъ «освѣщеніи».
(И. А. Шляпкинъ. Рус. Стар. XII 1895).

II.

Раздѣляя вполнѣ выраженное приведеннымъ мною эпиграфомъ мнѣніе, я разскажу здѣсь нѣсколько случаевъ изъ моихъ сношеній съ графомъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ служебныхъ, такъ и частныхъ. Думаю, что читатель увидитъ изъ нихъ, можно ли, хотя сколько нибудь, отнестись съ довѣріемъ къ характеристикѣ его, созданной г. Буцинскимъ на основаніи тѣхъ источниковъ, которыми онъ руководствовался. Еще разъ повторяю, что уважаемый нашъ писатель И. А. Гончаровъ очертилъ личность Муравьева мѣтко и вѣрно. Честь и хвала ему за это.

Въ концѣ мая 1848 года, управляя, съ января того года, казеннымъ Илгинскимъ винокуреннымъ заводомъ (около 400 верстъ отъ Иркутска, на Илгѣ, притокѣ Лены), я получилъ предписаніе явиться къ новому ге-

нералъ-губернатору В. Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву. Слухъ объ его пріемѣ и дѣятельности достигъ уже и въ ту глушь, въ которой я жилъ. Не желая, да и не имѣя привычки медлить по службѣ, я въ тотъ же день, какъ получилъ предписаніе, выѣхалъ, утромъ на другія сутки былъ въ Иркутскѣ и, прибравшись съ дороги, поѣхалъкъ Муравьеву. Когда ему обо мнѣ доложили, то онъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Войдя туда и поклонившись ему, я доложилъ, что я такой то и явился по его предписанію. Выйдя изъ за стола, за которымъ сидѣлъ, онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: „я слышалъ о васъ много хорошаго. Въ то „время, когда всѣ боялись откупа, вы преслѣдовали его „злоупотребленія и за это потерпѣли. Я надѣюсь, что „и при мнѣ будете служить хорошо. Я вызвалъ васъ „сюда, чтобы видѣть васъ и поручить вамъ содѣйство„вать моему чиновнику особыхъ порученій Бершадскому, „съ которымъ вы завтра же должны ѣхать обратно въ „заводъ, къ раскрытію злоупотребленій вашего пред„шественника“. Выслушавъ все это и поклонившись за добрыя слова, я сказалъ ему: „позвольте, В. В. П-во, „остаться мнѣ на четыре дня. У меня очень больна „жена и здѣсь лѣчится“. Два раза повторилъ Муравьевъ свое приказаніе, и два раза я повторилъ ему мою просьбу. Тогда онъ, подумавъ немного, позвалъ бывшаго въ сосѣдней комнатѣ Бершадскаго, и когда тотъ вошелъ, то онъ, представивъ насъ другъ другу, указывая на меня, сказалъ: „съ нимъ ничего не подѣлаешь. Я остав„ляю его въ Иркутскѣ на четыре дня. Вы отправляй„тесь завтра, а онъ пріѣдетъ вслѣдъ за вами“. Все

это оба мы съ Бершадскимъ исполнили, какъ было приказано. Вотъ первое мое свиданіе съ Николаемъ Николаевичемъ.

Въ концѣ августа того же года, я, совершенно неожиданно для меня, былъ, по распоряженію Николая Николаевича, переведенъ на такую же должность въ Александровскій, тоже винокуренный, но гораздо болѣе значительный заводъ [1]), въ 70 верстахъ отъ Иркутска. Тамъ теперь центральная тюрьма. Проѣзжая къ новому мѣсту служенія, я опять явился къ Муравьеву и выслушалъ отъ него повтореніе, что онъ надѣется на хорошую службу. Должности начальниковъ этихъ заводовъ не требовали никакихъ разъѣздовъ и были, какъ говорится, сидячія. Я думалъ, что также буду сидѣть и я. Случилось противное. Только что я кончилъ пріемъ завода, въ ноябрѣ 1848 г., какъ получаю предписаніе Муравьева произвести закупъ хлѣба для винокуренныхъ заводовъ и другихъ мѣстъ Гражданскаго вѣдомства и пріѣхать въ Иркутскъ за деньгами. Передавъ управленіе только что принятымъ заводомъ помощнику (казначей завода), я отправился въ тотъ же день въ Иркутскъ и на завтра явился къ Муравьеву. Потребовавъ меня въ кабинетъ, гдѣ никого кромѣ насъ съ нимъ не было онъ высказалъ причину, по которой закупъ хлѣба поручается мнѣ, и добавилъ: „хотя постановленіемъ Совѣта

---

[1]) Заводы Илгинскій и Александровскій были тогда казенные. Составъ рабочихъ былъ изъ каторжныхъ.

„Главнаго Управленія Восточной Сибири, утвержденнымъ „мною, высшая цѣна за пудъ ржаной муки назначена „30 коп.; но если нельзя будетъ пріобрѣсть ее по этой „цѣнѣ, то вы не стѣсняйтесь, по немногу прибавляйте. „Я надѣюсь, что вы безъ надобности этого не сдѣлаете. „Только пусть это разрѣшеніе останется между нами, и „вы о немъ никому не говорите.“ [1]).

Откланявшись Муравьеву и получивъ изъ Казначейства деньги, я отправился по Иркутскому округу (впослѣдствіи изъ него сдѣлано три: Иркутскій, Балаганскій и Верхоленскій) исполнять порученный мнѣ закупъ. Съ перваго приступа къ нему я убѣдился, что купить дешевле 32 копѣекъ нельзя, и началъ покупать по этой цѣнѣ. Время отъ времени, но небольше какъ чрезъ 2 недѣли, я представлялъ Муравьеву рапортъ о количествѣ купленнаго хлѣба, который и передавался имъ управляющему 3-мъ отдѣленіемъ Главнаго Управленія, члену Совѣта Н. Е. Тюменцову. Забавное у меня съ послѣднимъ вышло по этому закупу однажды недоразумѣніе: пріѣхавъ къ моимъ роднымъ въ то время, когда я былъ у нихъ, проѣздомъ чрезъ Иркутскъ изъ одной мѣстности въ другую, онъ, увидя меня, довольно строгимъ, какъ бы начальническимъ тономъ, спросилъ: „что это вы дѣлаете?“ а что?

---

[1]) Точно такое же распоряженіе отдано было имъ «Бернгарду Васильевичу Струве, съ которымъ мы двое, каждый для назначенныхъ ему вѣдомствъ, независимо другъ отъ друга, и покупали. Прежде, вслучаѣ неудачи покупки хлѣба съ торговъ, посылались Коммисіи, а намъ Муравьевъ поручилъ двоимъ и порознь другъ отъ друга. Оба мы, порученія, данныя намъ, исполнили.

„Вы покупаете ржаную муку по 32 коп.; тогда какъ „разрѣшено только по 30 к.“. Какъ же я куплю по вашей цѣнѣ, когда по ней не продаютъ? „Мы васъ, „за нарушеніе предписанія, отдадимъ подъ судъ“. Ну что-же дѣлать, и отдавайте, сказалъ я. Этого не случилось. Вѣроятно, послѣ, когда кончился закупъ, Муравьевъ открылъ причину моего произвола. Умный и дѣльный человѣкъ былъ Тюменцовъ (одинъ изъ числа нѣсколькихъ, оставшихся еще отъ временъ Трескина), но привыкшій, какъ и нѣкоторые другіе, при предмѣстникахъ Муравьева, изображать изъ себя большое начальство. Муравьевъ же нивелировалъ всѣхъ такъ, что дѣйствительно оставалось только начальство въ предѣлахъ той власти, которая каждому предоставлена закономъ, и совѣтники и начальники отдѣленій изъ своихъ рамокъ уже не выходили.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1849 г. Муравьевъ опять вытребовалъ меня въ Иркутскъ, и когда я къ нему явился въ кабинетъ, то онъ, предложивъ сѣсть, началъ говорить мнѣ; „Вы знаете, что Илгинскій за„водъ предположено закрыть и разрѣшеніе на это „получится скоро; значитъ, нужно уменьшить въ немъ „команду рабочихъ и сдѣлать это заблаговременно. „Теперь мнѣ разрѣшено устроить желѣзодѣлательный „заводъ Николаевскій, въ Братской волости Нижне„удинскаго округа. Съ Урала уже пріѣхалъ строитель „завода, горный инженеръ Барощци-де-Эльсъ; вотъ я „и думаю взять съ Илгинскаго завода ему, для Нико-

„лаевскаго, 150 человѣкъ каторжныхъ. Но онъ, какъ „высказался мнѣ, народа этого совершенно не знаетъ, „а вы знаете его хорошо; то, пожалуйста, познакомьте „его съ ними, сообщивъ ему всѣ нужныя свѣдѣнія. „Я пошлю за нимъ тотчасъ, а вы поѣзжайте домой „къ себѣ; онъ къ вамъ пріѣдетъ". Выслушавъ все это, я спросилъ, не будетъ-ли еще какихъ приказаній, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, попросилъ позволенія, покончивъ разговоръ съ Бароцци, возвратиться въ заводъ. Послѣ этаго уѣхалъ къ себѣ. Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ И. А. Бароцци и я, насколько могъ, ознакомилъ его съ бытомъ и характеромъ каторжныхъ, для выбора которыхъ и отправленія съ военнымъ конвоемъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Илгинскій заводъ самъ. Нужно замѣтить, что по всему тракту отъ Илги до Иркутска прежде не было этапныхъ, для провода партій, помѣщеній (есть-ли теперь — незнаю), и поэтому онъ высказалъ опасеніе, что часть каторжныхъ можетъ разбѣжаться. Зная хорошо ихъ характеръ, я говорилъ ему, что при человѣчномъ, дружескомъ къ нимъ отношеніи это едва-ли можетъ случиться. При этомъ я имѣлъ неосторожность сказать, что еслибы я былъ на его мѣстѣ, то провелъ бы ихъ безъ всякаго военнаго конвоя, взявъ только съ нихъ слово, что не убѣгутъ. Тѣмъ кончился нашъ разговоръ, Бароцци отъ меня уѣхалъ, а я послалъ на станцію за лошадьми и, когда привели и запрягли ихъ, вышелъ и сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать. Только что хотѣли двинуться, какъ пріѣзжаетъ жандармъ и, подходя къ тарантасу, говоритъ мнѣ, что меня требуетъ

генералъ [1]). Я приказалъ тотчасъ вынести вещи, отправить назадъ лошадей и, переодѣвшись, поѣхалъ къ Муравьеву. Вхожу въ кабинетъ, и онъ тотчасъ-же спрашиваетъ меня: „Вы, Ив. Владим., говорили Ба„роцци, что на мѣстѣ его, выбравъ каторжныхъ, про„вели бы ихъ безъ конвоя?“ Зная Муравьева, я тотчасъ догадался, къ чему это клонится, и повторилъ то, что было мною сказано. Тогда онъ встаетъ, подаетъ мнѣ руку и говоритъ: „ну, такъ поѣзжайте въ „Илгу, выберите рабочихъ, только крѣпкихъ, здоро„выхъ и не стариковъ, и проводите ихъ сами, только „поскорѣе, чтобы застать меня здѣсь, до отъѣзда въ „Камчатку, а теперь садитесь и разскажите, какъ Вы „думаете это сдѣлать“. Сѣвъ, я попросилъ его позволить мнѣ: 1) для выигрыша времени, сокращенія пути и уменьшенія расходовъ, вести ихъ не на Иркутскъ, а прямо черезъ волокъ съ Илги на Ангару [2]) и тамъ сдать ихъ Бароцци въ условленномъ между нами

---

[1]) Въ Иркутскѣ такъ звали только генералъ-губернатора, остальныхъ же генераловъ по занимаемымъ ими должностямъ.

[2]) Я велъ ихъ такъ: отойдя отъ завода къ Знаменкѣ 3 версты, свернулъ на Чуловшину, Монастыршину, Балыхту, здѣсь перевалилъ чрезъ береговой хребетъ, потомъ на Муйскую, Устьудинскую, Милославскую и сдалъ Бароцци въ Яндахъ, а обыкновенный путь долженъ былъ быть: Знаменка, Пономарева, потомъ въ верхъ по Ленѣ до Качуга, оттуда до Иркутска, затѣмъ Московскимъ трактомъ, уже по этапамъ, до Тулуна, отъ него, по дорогѣ къ Братскому острогу, до деревни Далоновой и, наконецъ, въ заводъ. Привожу здѣсь этотъ маршрутъ для того, что, можетъ быть, кто нибудь изъ читателей поинтересуется увидѣть на картѣ разницу разстоянія путей обыкновеннаго и того, по которому велъ я. Въ Илгинскій заводъ, изъ Александровскаго, я выѣхалъ 13 апрѣля, а въ Иркутскъ, кончивъ порученіе, возвратился утромъ 15 мая.

мѣстѣ; 2) для охраны багажа и присмотра, чтобы кто изъ рабочихъ, при проходѣ селеній, гдѣ есть кабаки, не забѣжалъ въ кабакъ и не напился, взять изъ казачьей команды Илгинскаго завода шесть казаковъ; 3) чтобы, вслучаѣ надобности, земское волостное и сельское начальство оказывало мнѣ содѣйствіе, и 4) снять кандалы со всѣхъ каторжныхъ. Муравьевъ сказалъ, что пришлетъ сейчасъ мнѣ обо всемъ этомъ предписаніе, пожелалъ исполнить хорошо порученіе и, пожавъ мнѣ руку, добавилъ: „постарайтесь застать „меня здѣсь, я поѣду 15 мая“. Раставшись съ нимъ я поѣхалъ въ свой заводъ, а оттуда вскорѣ же въ Илгинскій, гдѣ выбралъ 153 человѣка каторжныхъ, самыхъ здоровыхъ, большею частію изъ числа осужденныхъ въ кандалы на срокъ отъ 5—20 лѣтъ, и, заготовивъ для нихъ, что было нужно, отправился съ ними въ дорогу. Сколько дней шли мы, теперь не помню. Выйдя на Ангару, я остановился, не доходя двѣнадцать верстъ до Яндовъ, куда долженъ былъ приплыть Бароцци, въ деревнѣ Милославской, такъ какъ въ ней не было кабака, а въ Яндахъ онъ былъ. Здѣсь прожилъ я, въ ожиданіи Бароцци, болѣе недѣли и, наконецъ, получивъ отъ него увѣдомленіе, что онъ приплылъ въ Янды, отвелъ ему туда всю мою партію, заковавъ рабочихъ по прежнему въ кандалы, которыя было мною имъ приказано снять по выходѣ изъ завода. Я успѣлъ застать Николая Николаевича въ Иркутскѣ, въ день его отъѣзда. Поблагодаривъ за исполненіе, онъ поручилъ меня вниманію и расположенію остававшагося на мѣсто его Иркутскаго губернатора Влади-

міра Николаевича Зарина, бывшаго у него въ кабинетѣ, когда я пришелъ туда съ моимъ докладомъ. Привожу все это въ примѣръ того, какъ скоро, рѣшительно, безъ лишней траты бумаги и чернилъ, все дѣлалось у Муравьева; потому именно, что онъ, гдѣ только это было возможно, распоряжался лично самъ, избѣгая излишней переписки.

Этотъ эпизодъ описанъ у Б. В. Струве, въ книгѣ его „Воспоминанія о Сибири“, стр. 37 и 38. Но тамъ вкрались двѣ ошибки: первая та, что будто бы на порученіе это вызвался я самъ, тогда какъ его далъ мнѣ самъ Муравьевъ, и вторая, — что козаковъ было 24, тогда какъ ихъ было только шесть. Всей козачей команды въ Илгинскомъ заводѣ было только 12 человѣкъ, и я взялъ изъ нихъ половину. Б. В., которому я указывалъ на эти ошибки, хотѣлъ ихъ исправить, но помѣшала смерть.

По возвращеніи Муравьева изъ Камчатки, мнѣ, по дѣламъ службы, случалось не разъ быть въ Иркутскѣ; но ни разу, когда я къ нему являлся, онъ не позвалъ меня въ кабинетъ, а принималъ въ залѣ и никогда не подавалъ, какъ это бывало прежде, руки. Я видѣлъ, что онъ за что-то на меня сердится. Но за что,—не знаю, такъ какъ ничего за собою не имѣлъ. Такъ продолжалось довольно долго. Наконецъ, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ, когда ему обо мнѣ доложили, онъ приказалъ позвать меня въ кабинетъ. Входя туда, я не плотно прикрылъ за собою входную дверь, а онъ, отвѣтивъ на

мой поклонъ, тотчасъ-же сказалъ: „прикройте хоро-
„шенько, чтобы не было слышно; я хочу васъ пого-
„нять“, и видя мой удивленный взглядъ, сейчасъ-же до-
бавилъ: „какъ человѣкъ, который васъ любитъ“. Ис-
полнивъ его приказаніе, я подошелъ къ столу, за ко-
торымъ онъ сидѣлъ, и онъ, подавъ мнѣ чрезъ столъ
руку, приказалъ садиться; но я остался на ногахъ.
Тогда онъ началъ: „мнѣ сказалъ Владиміръ Николае-
„вичъ (Заринъ), что вы, не получивъ награды, къ ко-
„торой я васъ представлялъ, обидѣлись, небрежно ис-
„полняли возложенный на васъ безъ меня, лѣтомъ, за-
„купъ хлѣба и не докупили всей назначенной про-
„порціи“. Слова о представленіи меня къ наградѣ и объ
отказѣ въ ней были для меня новостью, и я впервые
тутъ отъ него объ этомъ услыхалъ. Объяснивъ ему все
это, я добавилъ, что закупъ хлѣба сдѣланъ мною даже
въ большемъ количествѣ, чѣмъ было мнѣ приказано;
заводъ на первое дѣйствіе хлѣбомъ обезпеченъ; про-
должать-же закупъ еще было невозможно, потому что
по случаю начавшейся жатвы земледѣльцы не имѣли-
бы возможности выполнить подряда, что Владиміръ
Николаевичъ сказалъ ему ошибочно, потому что былъ
самъ обманутъ невѣрнымъ ему докладомъ. Муравьевъ
видимо былъ недоволенъ и живо спросилъ меня: „вы
„знаете, кто это ему такъ доложилъ?“ Я отвѣчалъ
ему, чтобы онъ позволилъ умолчать. Онъ повторилъ
свой вопросъ, а я повторилъ свой отказъ и за тѣмъ
сказалъ, что въ избѣжаніе на будущее время подозрѣній, что я, не получая наградъ, обижаюсь и манкирую службой, прошу его ни къ какимъ наградамъ

меня не представлять и что самая лучшая награда для меня то расположеніе и довѣріе, которыми я у него пользуюсь. Онъ началъ доказывать, что для молодаго человѣка (мнѣ не было 30 лѣтъ) награды лестны. Я повторилъ высказанныя раньше слова, а затѣмъ, выпросивъ перемѣну двоихъ оставшихся мнѣ отъ предмѣстника чиновниковъ, откланялся и уѣхалъ. Нужно добавить, что съ 1848 г. до отъѣзда моего въ Енисейскую губернію (въ мартѣ 1856 года) это былъ единственный случай неудовольствія на меня Муравьева.

Лѣтомъ 1852 года, но не помню, въ какомъ мѣсяцѣ, Муравьевъ вызвалъ меня въ Иркутскъ, и когда я къ нему явился, то онъ предложилъ мнѣ принять обязанность земскаго исправника Иркутскаго округа, раздѣленнаго потомъ, какъ уже выше сказано, на три. Предложеніе это онъ объяснялъ тѣмъ, что округъ этотъ, прежде чѣмъ раздѣлить, необходимо исправить и взыскать много накопившихся какъ хлѣбныхъ, такъ и денежныхъ недоимокъ, а также исправить запущенныя дороги. Не желая принимать на себя обязанности, которая, какъ хорошо зналъ я, потребуетъ, при обширности округа, разъѣздовъ въ разное время не менѣе девяти мѣсяцевъ въ году, я просилъ меня отъ этого избавить, оставивъ по прежнему въ заводѣ. Несмотря на это, онъ попробовалъ еще убѣждать меня; но я все-таки отказался, добавивъ, что въ противномъ случаѣ я буду просить его уволить меня въ отставку. Нужно сказать, что за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени

я, безъ всякихъ служебныхъ поводовъ, а собственно потому, что меня приглашали, на выгодныхъ для меня условіяхъ, на пріиски Е. А. Кузнецова по Ленѣ, въ компаніи тогда еще съ К. П. Трапезниковымъ, просилъ уже позволенія выйдти въ отставку. Но Муравьевъ тогда убѣдилъ меня остаться на службѣ. Значитъ, теперь я имѣлъ полное право повторить мою просьбу, и Муравьевъ, вѣроятно, сознавая это, оставилъ меня въ заводѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, когда я пріѣхавъ по дѣламъ службы въ Иркутскъ, явился къ Муравьеву, то онъ, поговоривъ со мною немного, приказалъ, чтобы я пришелъ къ нему, не помню въ тотъ-ли день, или назавтра, вечеромъ. Исполняя это приказаніе, я къ нему явился и былъ тотчасъ позванъ въ кабинетъ. Тамъ я засталъ его одного за письменнымъ столомъ, и онъ, подавъ мнѣ, когда я подошелъ къ столу, руку, предложилъ сѣсть противъ него. Оказалось, что онъ призвалъ меня собственно для того, чтобы опять предложить должность исправника. Дорого цѣня всегдашніе ко мнѣ довѣріе и расположеніе, я высказалъ ему это, добавивъ, что не въ силахъ отказаться и соглашаюсь, но только на извѣстныхъ условіяхъ. По требованію его, я высказалъ ихъ ему подробно, и онъ, вполнѣ согласившись съ ними, никогда не нарушалъ ихъ самъ и не дозволялъ нарушать другимъ. Закончивъ этотъ разговоръ, я хотѣлъ было уже встать и откланяться, какъ онъ меня спросилъ: „скажите, Ив. Вл. давно-ли вы знакомы „съ П..ъ“ Удивленный подобнымъ, постороннимъ къ дѣлу вопросомъ, я подумалъ и, припомнивъ, отвѣчалъ, что съ 1845 года. Тогда онъ вдругъ сказалъ мнѣ: „я-бы

„вамъ совѣтовалъ прекратить это знакомство“. Взволнованный этимъ совѣтомъ, я вскочилъ съ кресла и придвинулъ его такъ, что спинка пришлась вплоть къ столу, а ножки оказались подъ столомъ. Вижу, что Муравьевъ смотритъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Тогда я сказалъ ему: простите, В. В. П-во, что я не могу исполнить Вашего желанія. Смотря на меня пытливо и наклонивъ немного на право голову—это была у него, мнѣ кажется, привычка—онъ спросилъ меня: „а почему-же?“ Я отвѣчалъ ему: а потому, что Вы первый будете имѣть право назвать меня подлецомъ, если мои знакомства съ людьми я буду соображать съ Вашимъ къ нимъ расположеніемъ или нерасположеніемъ. На этомъ кончился нашъ разговоръ о знакомствѣ съ П..ъ. Я хотѣлъ уже откланяться, но находчивый всегда Николай Николаевичъ, не желая должно быть такъ круто порвать, перешелъ къ служебнымъ вопросамъ и отпустилъ меня тогда, когда мы ихъ закончили.

Въ января 1853 года я былъ переведенъ изъ завода на должность исправника въ Иркутскъ, куда, сдавъ заводъ и пріѣхалъ въ февралѣ, за нѣсколько дней до отъѣзда Николая Николаевича въ Петербургъ. По заведенному искони порядку я долженъ былъ провожать его до границы моего округа, если не будетъ приказано ѣхать до первой станціи слѣдующаго. Онъ выѣхалъ изъ Иркутска въ февралѣ—числа не помню—вмѣстѣ съ своею женою, Екатериной Николаевной, въ

трехъ экипажахъ. Вмѣстѣ съ ними ѣхали Н. Д. Свербеевъ, кажется, Молчановы и кто еще,—не помню. До Биликтуя—50 верстъ отъ Иркутска—провожала его часть близкихъ ему лицъ, и здѣсь былъ устроенъ обѣдъ. По окончаніи его, я уѣхалъ на слѣдующую станцію—Мальта 32 версты—раньше, чтобы распорядится всѣмъ нужнымъ. Была уже ночь, часовъ 12. Вскорѣ прибыли другіе экипажи; но вмѣсто 3-хъ ихъ прибыло только 2. Удивленный этимъ, я спросилъ прибывшихъ, гдѣ же Николай Николаевичъ и Свербеевъ? Мнѣ сказали, что ѣдутъ за ними; но такъ какъ этого не было, я тотчасъ послалъ на встрѣчу людей и лошадей, опасаясь, не случилось ли чего при спускѣ, не доѣзжая 1½—2 верстъ до станціи, съ большой горы, а самъ ждалъ на станціи. Не прошло и ¼ часа, какъ всѣ они возвратились и впереди ихъ, на простыхъ крестьянскихъ дровняхъ, Николай Николаевичъ и Свербеевъ, у котораго голова повязана платкомъ, а фуражка его на Николаѣ Николаевичѣ. Спрашиваю, что случилось? а онъ мнѣ говоритъ: „Вотъ видите, „Ив. Вл., что случилось: ѣздили ловить каторжныхъ, „а поймали генералъ-губернатора". Ничего изъ этого не понимая, я проводилъ ихъ въ комнаты и узналъ, что все благополучно, но только при спускѣ съ горы неловко заторможенный возокъ легъ набокъ, и лошади остановились. Лакей и ямщикъ, вдвоемъ, опрокинуть на полозья его не могли, а поэтому, влѣзши на него, открыли верхнюю дверцу, чрезъ которую и должны были вылѣзать кверху оба пассажира. Такъ какъ фуражка Николая Николаевича гдѣ то, въ возкѣ, за-

валилась, то Свербеевъ и далъ ему свою. Когда они, теперь уже въ четверомъ, хотѣли опрокинуть на полозья возокъ, то въ это время подъѣхало къ нимъ, на двухъ дровняхъ, нѣсколько человѣкъ. Это были посланные изъ Иркутскаго солевареннаго завода за преслѣдованіемъ бѣжавшихъ каторжныхъ. Николай Николаевичъ, приказавъ имъ пособить поднять и привезти возокъ, самъ сѣлъ на одни изъ дровней и со Свербеевымъ пріѣхалъ на станцію. Вскорѣ привезли и возокъ. Посмѣявшись надъ поимкою генералъ-губернатора, поѣхали дальше, и я благополучно проводилъ ихъ до границы округа.

Если бы подобное происшествіе случилось при комъ либо изъ предмѣстниковъ Муравьева; то само собою, первый гнѣвъ разразился бы—виноватъ, или невиноватъ—надъ исправникомъ, а потомъ уже и надъ другими по очереди. Подобныхъ вспышекъ у Муравьева, сколько разъ мнѣ ни случалось встрѣчать и провожать его, никогда не бывало. Встрѣченную въ дорогахъ неудачу онъ никогда ни на кого, какъ разскажу и дальше, не складывалъ, умѣя разсудить, что это простая случайность, какихъ, во время своихъ безчисленныхъ поѣздокъ, онъ испыталъ слишкомъ много.

Въ первой половинѣ марта 1854 г. я выѣхалъ встрѣтить возвращающагося изъ Петербурга Муравьева въ граничное селеніе моего округа „Зиму“. Зимняя дорога уже исчезла, а колесная было плоха; потому-что все, растаявшее на ней за день,—ночью замер-

зало и образовалась *колоть*. Точно также на обѣихъ рѣкахъ, протекающихъ въ этомъ селеніи (Зима и Ока), ледъ былъ плохъ, и нужно было принять, для безопасности, нѣкоторыя мѣры предосторожности. Муравьевы пріѣхали ночью, и я, попросивъ позволенія, поѣхалъ впередъ. На завтра въ Заларинской станціи, гдѣ мы закусывали и пили чай, я доложилъ Николаю Николаевичу, что съ Мальтинской станціи, не доѣзжая 80 съ небольшимъ верстъ до Иркутска, намъ, для безопаснаго переѣзда черезъ Ангару, ледъ которой около Иркутска былъ уже ненадеженъ, необходимо будетъ переѣхать на правый берегъ Ангары и ѣхать уже не Московскимъ, а Ангарскимъ трактомъ. Муравьевъ съ этимъ согласился, и я, когда мы пріѣхали въ Мальту, распорядился послать въ Иркутскъ нарочнаго о заготовленіи по тракту лошадей и съ запискою управлявшему тогда Иркутскою губерніею Б. В. Струве о томъ, что генералъ-губернаторъ пріѣдетъ Ангарскимъ трактомъ. Хотя Муравьевъ ничего объ этомъ не зналъ, но полагаю, что подозрѣвалъ, и избѣгая, при въѣздѣ въ Иркутскъ, встрѣчи, совершенно неожиданно, когда мы закусывали, сказалъ мнѣ: „нѣтъ Ив. Вл., я передумалъ, поѣдемте Московскимъ трактомъ“. Удивленный такимъ измѣненіемъ маршрута, я сказалъ: какъ вамъ угодно; но мы очень рискуемъ. Вы сами хорошо знаете, что Ангара, замерзая, заливаетъ мѣстность къ первой станціи (тогда Зуевская 24 версты), и мы, при ненадежности въ этихъ мѣстахъ льда, можемъ ночью, гдѣ нибудь провалиться, или, подъѣхавъ къ Ангарѣ противъ Иркутска, увидѣть, что переправиться нельзя,

и опять возвращаться, чтобы попасть на трактъ, по которому я васъ хочу везти. Кромѣ того, Ваши экипажи очень плохи, я боюсь, что они могутъ сломаться и поэтому, когда мы пріѣдемъ въ Александровскій заводъ, то тамъ на нѣсколько часовъ нужно остановиться. Тамъ отдадимъ въ казенныя кузницы пересмотрѣть ихъ и подправить, Вы, между тѣмъ, отдохнете, а потомъ раньше и выѣдемъ. Я добавилъ еще, что еслибы не было съ нами Екатерины Николаевны, то я бы и не противорѣчилъ. Муравьевъ согласился. Мы пріѣхали въ заводъ, отдали исправить экипажи и выѣхали такъ рано, что на первую отъ завода станцію—Еловку 15 верстъ—пріѣхали со свѣтомъ.

Пріѣхавъ на слѣдующую, Уриковскую, станцію—слишкомъ 30 верстъ—и видя, что, судя по времени Муравьевы должны были пріѣхать, а между тѣмъ ихъ нѣтъ, я распорядился послать на встрѣчу имъ ямскую повозку, и вотъ, почти черезъ часъ, пріѣзжаютъ они съ однимъ тарантасомъ, другого не было. Муравьевъ благодаритъ за присланную повозку и разсказываетъ, что у оставленнаго тарантаса разсыпалось одно колесо, а затѣмъ добавилъ: „теперь вѣрно не увернешься отъ „встрѣчи, нужно побриться и подчиститься“. Станція состояла изъ двухъ комнатъ: одной для проѣзжающихъ, а другой ямщицкой, на стѣнахъ которой развѣшена была и сбруя (трактъ не почтовый). Сказавъ своему Савелью (это былъ татаринъ Сейфула, переименованный, для удобства, въ Савелья), чтобы онъ подалъ бритвенный приборъ [1]), пошелъ въ ямщицкую, тамъ обрился,

[1]) Нѣсколько разъ, по дѣламъ службы, мнѣ случалось приходить къ

подчистился, и мы поѣхали въ Иркутскъ (18 верстъ), гдѣ, у въѣзда въ Знаменское предмѣстье, его встрѣтили начальствующія лица и общество.

На другой послѣ этого день приходитъ ко мнѣ Бернгардъ Васильевичъ Струве и показываетъ донесеніе къ нему, какъ не сдавшему еще управленія губерніею, Иркутской Губернской Почтовой Конторы, которая, основываясь на рапортѣ смотрителя Черемховской станціи (120 верстъ отъ Иркутска, по Московскому тракту), увѣдомила его, что въ ту ночь, когда мы были въ Александровскомъ заводѣ, проѣхалъ изъ Иркутска какой то курьеръ, которому хотя и дали лошадей, но такъ какъ подорожная его написана съ нѣкоторыми отступленіями, то смотритель счелъ нужнымъ объ этомъ донести. Обсудивъ это обстоятельство, Струве и я пришли къ заключенію, что навѣрно это бѣжалъ кто нибудь изъ политическихъ ссыльныхъ. Чтобы убѣдиться, не изъ за Байкала ли, я тотчасъ послалъ на почтовую станцію, находившуюся противъ моей квартиры, чтобы принесли книгу для записки проѣзжающихъ. Оказалось, что никого изъ за Байкала по курьерской подорожной не было. Тогда мы рѣшили, что это кто нибудь уже изъ мѣстъ ближайшихъ къ Иркутску, и я высказалъ

Муравьеву утромъ раньше 8 часовъ, когда онъ брился. Вотъ тогда то и видѣлъ я, что приборъ этотъ очень не важный: кисточка, простой ремень, пара бритвъ и мыленка, все порознь, не въ шкатулкѣ. Муравьевъ, извинившись, предлагалъ садиться и докладывать. Мнѣ кажется, все это хорошо показываетъ, насколько простъ и не затѣйливъ онъ былъ въ своихъ привычкахъ.

подозрѣніе, что это, вѣроятно, изъ солевареннаго завода Антоній Величко. Струве, узнавъ, что изъ числа моихъ засѣдателей одинъ теперь въ Иркутскѣ, сказалъ, что нужно послать его, по курьерской подорожной, догонять бѣжавшаго, и поручилъ мнѣ прислать его къ нему, чтобы тотчасъ получить подорожную и выѣхать. Былъ посланъ засѣдатель Гуринъ, который, явившись въ свое время по пріѣздѣ въ Красноярскъ къ губернатору В. К. Падалкѣ, узналъ отъ него, что Величко застрѣлился въ тамошней Губернской Почтовой Конторѣ, когда его начали разспрашивать о неправильностяхъ его подорожной. Въ тотъ же день, какъ былъ посланъ Гуринъ, пріѣхалъ еще засѣдатель Скрябинъ, котораго и послали для собранія свѣдѣній въ Александровскій винокуренный и Иркутскій солеваренный заводы, при чемъ и Скрябину я тоже указалъ на Величку. Когда по возвращеніи его оказалось, что бѣжалъ дѣйствительно Величко, и я доложилъ объ этомъ Муравьеву, то онъ сказалъ: „я слышалъ, что теперь у своего то„варища Пасербскаго гоститъ въ солеваренномъ заводѣ „Добричъ“ — оба политическіе ссыльные — „и что онъ, „какъ человѣкъ состоятельный, далъ Величкѣ денегъ „на дорогу“ [1]). Я, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ зная, что Величко былъ въ отрядѣ коннорабочихъ и получилъ деньги изъ казны на вывозку лѣсныхъ матеріаловъ и покупку для этого лошадей, объяснилъ это

[1]) Добричъ, по окончаніи работъ, былъ на поселеніи и жилъ, какъ и многіе другіе его товарищи, въ Иркутскѣ, потомъ въ 1855 г. былъ возвращенъ, а въ 1875 г. я нашелъ его уже въ Варшавѣ, въ магазинѣ ихъ торговаго дома.

Муравьеву. Кромѣ того, зная всѣхъ, находившихся подъ моимъ вѣдѣніемъ, жившихъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ Иркутскѣ, по окончаніи сроковъ работъ, государственныхъ (декабристовъ) и политическихъ (поляковъ) преступниковъ и будучи со многими изъ нихъ, а въ томъ числѣ и съ Добричемъ, какъ людьми хорошими и очень образованными, близко знакомъ, добавилъ, что я увѣренъ вполнѣ, что Добричъ никогда не могъ не только способствовать, но и сочувствовать побѣгу и всегда старался бы удержать отъ этого Величку. „Однако-же вы все-таки поѣзжайте въ солеваренный „заводъ и сами хорошо разузнайте, а пріѣхавши завтра, „мнѣ доложите," сказалъ мнѣ Муравьевъ. Я поѣхалъ въ заводъ и остановился тамъ у остававшагося еще въ работѣ бывшаго эмигранта Пасербскаго, у котораго гостилъ, какъ сказано выше, и Добричъ. Съ ними провелъ я весь день, ночевалъ, а на завтра вечеромъ явился къ Муравьеву, который приказалъ человѣку позвать меня въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ съ нимъ Яковъ Дмитріевичъ Казимірскій, начальникъ Сибирскаго Жандармскаго Округа, служившій прежде при Комендантѣ Петровскаго каземата С. Р. Лепарскомъ. Раскланявшись съ ними, я, по указанію Муравьева, сѣлъ противъ него къ столу и за тѣмъ, доложивъ о моей поѣздкѣ, прибавилъ о Добричѣ то, что говорилъ и раньше. Тогда Муравьевъ сказалъ: „вотъ Яковъ Дмитріевичъ „говоритъ, что лучше всего будетъ выслать всѣхъ по„ляковъ, живущихъ въ Иркутскѣ и округѣ его, за „Байкалъ, потому что оттуда труднѣе бѣжать". Удивленный желаніемъ принять такую мѣру, я началъ до-

казывать, что нельзя же за вину одного наказывать всѣхъ, и вотъ на эту тему между Казимірскимъ и мною, началось преніе. Муравьевъ вмѣшивался въ него мало, больше слушалъ, изрѣдка, смотря на меня, немного улыбался, а потомъ вдругъ меня спросилъ: „да „вы знаете ихъ всѣхъ?“ Конечно, всѣхъ безъ исключенія лично, а со многими и хорошо знакомъ, отвѣчалъ я ему. Тогда онъ, взявъ лежавшую передъ нимъ довольно толстую тетрадь (списокъ всѣхъ жившихъ въ Иркутскѣ и округѣ политическихъ преступниковъ), подалъ ее мнѣ съ карандашомъ и сказалъ: „просматри„вайте и противъ каждаго дѣлайте отмѣтки о благо„надежности“. Оговорившись, что для сокращенія работы, я буду ставить крестики противъ тѣхъ, кого не могу одобрить, я началъ просматривать списокъ. Муравьевъ и Казимірскій смотрятъ, какъ я перевертываю листы и не дѣлаю никакихъ отмѣтокъ. Наконецъ, противъ двухъ стоящихъ одна за другой фамилій: — „Местковскій“ и „Хмѣлевскій“,—я ставлю крестики и говорю: Вы не подумайте, что я поставилъ потому, что они неблагонадежны въ политическомъ отношеніи, или могутъ убѣжать. Я не могу ихъ одобрить только потому, что на нихъ мнѣ часто жалуются за неисполненіе ими принятыхъ на себя подрядовъ, — доставки лѣсныхъ матеріаловъ. Кромѣ этихъ двухъ отмѣтокъ на спискѣ я больше ихъ не дѣлалъ и передалъ его Муравьеву. Казимірскій началъ опять настаивать на своемъ, и я, обратившись къ Муравьеву, сказалъ: Ваше Высокопревосходительство, конечно, въ Вашей власти выслать всѣхъ; но этимъ Вы повредите многимъ изъ

нихъ въ имущественномъ отношеніи, а всѣмъ, заставивъ ихъ отвѣчать за поступокъ одного, сдѣлаете величайшую несправедливость. Тогда начался разговоръ между Муравьевымъ и Казимірскимъ. Въ концѣ концовъ послѣдній спросилъ меня: „а примите ли вы, такъ „настойчиво защищая ихъ, на себя, за нихъ, отвѣт- „ственность?“ Вопросъ былъ неожиданный и слишкомъ мудреный; но, подумавъ немного, я отвѣчалъ: извольте, принимаю, но съ тѣмъ: 1) что если замѣчу за кѣмъ-либо изъ нихъ что либо подозрительное и доложу объ этомъ, то такового, по докладу моему, выслать немедленно за Байкалъ, и 2) чтобы выслать туда нынѣ же двоихъ пріѣхавшихъ оттуда, для пріисканія занятій, а также, вѣроятно, для свиданія съ товарищами, Карпинскаго и Рупрехта. Такъ, кончился нашъ разговоръ, и всѣ поляки остались на моей отвѣтственности. Въ тотъ же день я поѣхалъ къ одному изъ числа ихъ, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ товарищей и имѣвшему на нихъ большое вліяніе, Александру Белинскому, разсказалъ все и взялъ съ него слово, что они будутъ беречь и себя и меня, и чуть что за кѣмъ замѣтятъ, то мнѣ скажутъ. Не помню, но кажется, я передалъ объ этомъ еще Юліану Сабинскому, человѣку тоже очень уважаемому среди товарищей и замѣчательному лингвисту.

Все это было въ мартѣ, а въ концѣ іюля, или началѣ августа, когда Муравьевъ, еще въ апрѣлѣ, уѣхалъ въ первую Амурскую экспедицію, приходитъ ко мнѣ Белинскій и разсказываетъ, что они подозрѣваютъ, какъ бы не бѣжалъ Пасербскій. Зная, что онъ строитъ

себѣ въ солеваренномъ заводѣ домъ, я высказалъ, что подозрѣніе ихъ едва-ли основательно. Но Белинскій сказалъ, что это ничего не значитъ, и они на него не надѣются; почему, оберегая меня и своихъ товарищей, онъ счелъ обязанностію меня предостеречь. Поблагодаривъ его, я тотчасъ поѣхалъ къ Карлу Карловичу Венцелю, Иркутскому военному губернатору, заступавшему мѣсто Муравьева, и, какъ только онъ меня принялъ, я спросилъ его о томъ, что извѣстно ли ему все, переданное мною выше. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и къ этому добавилъ, что такъ какъ Казимірскій теперь въ Иркутскѣ, то чтобы я обсказалъ ему все, а потомъ они, по взаимному соглашенію, и примутъ мѣры. Пріѣхавъ отъ него къ Казимірскому, я обо всемъ ему доложилъ. Пасербскаго привезли изъ завода безъ замедленія и отослали за Байкалъ, гдѣ потомъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, по вступленіе на Престолъ Государя Императора Александра II, онъ и получилъ прощеніе. Добавлю къ этому, что Рупрехтъ и Пасербскій, какъ читалъ я въ свое время въ газетахъ, оба участвовали потомъ въ послѣднемъ возстаніи.

Выше я говорилъ, что Николай Николаевичъ совѣтовалъ мнѣ прекратить знакомство съ П...ъ. Это былъ очень умный и ловкій человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ тогда докторовъ Иркутска, и сначала, но только очень непродолжительное время, пользовавшійся у Николая Николаевича даже расположеніемъ. Знакомые почти десять лѣтъ, мы видались другъ съ другомъ довольно

часто. Однажды, какъ то вечеромъ заѣхавъ къ нему, я засталъ его въ какомъ то тяжеломъ настроеніи. Спрашиваю, что это значитъ, и онъ говоритъ, что ему передали отъ Николая Николаевича совѣтъ или, лучше сказать, приказаніе оставить Иркутскъ, что для него будетъ раззорительно въ имущественномъ и тяжело въ семейномъ отношеніи. Вотъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Я посовѣтовалъ ему: или поѣхать къ Муравьеву, или послать письмо; но онъ сказалъ, что тотъ, вѣроятно, его не приметъ, письмо же оставитъ безъ отвѣта. Тогда я, замѣтивъ ему, что у него есть паціенты и знакомые изъ штаба Муравьева, посовѣтовалъ ему обратиться чрезъ кого нибудь изъ нихъ; но онъ сказалъ, что тоже не ждетъ ничего хорошаго. Они могутъ пообѣщать переговорить или передать письмо, но ни того, ни другого не исполнятъ. Долго толковали мы и не могли выдумать ничего утѣшительнаго. Наконецъ, я, не видя для него никакого исхода, сказалъ ему: вотъ что, напишите вы ему письмо, объяснивъ всѣ ваши обстоятельства, привезите его ко мнѣ, я поѣду съ нимъ и буду просить Муравьева, а вы у меня подождете результата. Обрадованный П..ъ сказалъ, что онъ напишетъ и, прежде чѣмъ запечатать, дастъ прочитать мнѣ; но я отказался отъ этого, чтобы имѣть право сказать Муравьеву, что содержанія письма не знаю, а знаю только одно, что П..ъ. проситъ позволенія остаться въ Иркутскѣ. Такъ онъ и сдѣлалъ; назавтра вечеромъ, часовъ около шести, привезъ мнѣ письмо, съ которымъ я и поѣхалъ къ Муравьеву. Войдя въ залъ, я засталъ тамъ совѣтника Главнаго Управленія И. М. Осипова.

Когда лакей доложилъ Муравьеву, то онъ, выйдя и поздоровавшись съ нами, позвалъ меня въ кабинетъ. Позвалъ меня раньше, чѣмъ И. М. Осипова, вѣроятно, потому, что съ нимъ у него должно было быть больше разсужденій и дѣла. Только что мы вошли, онъ, не садясь, спросилъ меня: „ну что Ив. Вл.?“ я отвѣчалъ: простите меня, В. В. П-во, что я пришелъ безпокоить Васъ просьбою за человѣка, который навлекъ на себя Ваше неудовольствіе. „А это вѣрно за П..а?“ Подтвердивъ это, я разсказалъ коротко, въ какихъ тотъ находится обстоятельствахъ, и подалъ письмо. Взявъ и нераспечатывая, Муравьевъ вертѣлъ его въ рукахъ, а потомъ сказалъ: „Вы не знаете, за кого вы просите. Его „пусти только на порогъ, такъ онъ тотчасъ влѣзетъ вамъ „на шею,“ и показываетъ это рукою. Я думалъ уже, что просьба моя не удастся; но однако-жъ, извиняясь, повторилъ ее. Тогда Муравьевъ, сказавъ мнѣ о П...ѣ, что это страшный интриганъ, занимающійся разными сплетнями, вмѣшательствомъ въ чужія дѣла и толкованіемъ ихъ по своему, добавилъ: „передайте ему, что я скоро „уѣзжаю на Амуръ, пусть онъ остается здѣсь; но если, „возвратясь, узнаю, что онъ все-таки продолжаетъ „прежнее, то пусть уже не взыщетъ“. Письмо, которое все время вертѣль въ рукахъ, не распечатывая, отдалъ мнѣ для возвращенія П..у, я поблагодарилъ и откланялся. П..ъ, которому я, пріѣхавъ домой, передалъ нераспечатанное письмо, ужасно испугался; но я успокоилъ его, передавъ условія, на которыхъ ему было разрѣшено остаться. Послѣ этого П..ъ прожилъ въ Иркутскѣ все время управленія Муравьева и выѣхалъ въ концѣ

Корсаковскаго въ Петербургъ, по окончаніи всѣхъ своихъ въ Иркутскѣ дѣлъ.

---

19 апрѣля 1854 г. былъ назначенъ выѣздъ Муравьева въ Амурскую экспедицію, и въ тотъ же день долженъ былъ состояться, въ Глазковскомъ предмѣстьи (на лѣвомъ, противъ Иркутска, берегу Ангары), прощальный обѣдъ, который онъ принялъ отъ общества. Явившись къ нему наканунѣ, я просилъ позволенія уѣхать впередъ въ Култукъ и сдѣлать тамъ нужныя приготовленія къ нашей поѣздкѣ верхомъ по Кругобайкальской дорогѣ [1]). Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я остался на обѣдъ и ѣхалъ одновременно съ нимъ; но я, поблагодаривъ за позволеніе, отказался и уѣхалъ. Пріѣхавъ въ Култукъ, я распорядился о приготовленіи къ раннему утру лошадей. На завтра, только что подали мнѣ самоваръ, прискакалъ съ послѣдней къ Култуку станціи—помнится Большеглубоковская—загонщикъ и сказалъ, что его послали, какъ только что пріѣхалъ на нее генералъ. Приказавъ привести къ моей квартирѣ лошадей и сѣдлать ихъ, я вышелъ встрѣтить Николая Николаевича. Вскорѣ пріѣхалъ и онъ съ чиновникомъ особыхъ порученій А. И. Бибиковымъ и неизмѣннымъ своимъ Савельемъ. Первыя его слова, послѣ того, какъ я доложилъ ему, что все готово, были: „охъ, Ив. Вл., если бы вы знали,

---

[1]) Геннадій Ивановичъ Невельской (стр. 327) ошибся, сказавъ, что Муравьевъ, въ первую Амурскую Экспедицію, уѣхалъ послѣднимъ путемъ по льду. Это было уже во вторую, въ концѣ марта, или началѣ апрѣля. Тогда мы переѣхали Байкалъ по льду.

„какъ у меня болитъ голова“. Улыбнувшись, я сказалъ ему: вѣрно Васъ очень усердно провожали. „Да ужъ „очень усердно“, отвѣтилъ онъ и попросилъ самоваръ. Я сказалъ ему, что у меня все на столѣ, и мы вошли въ комнату. Когда тамъ онъ опять пожаловался, что у него болитъ голова, я сказалъ ему: простите меня и позвольте предложить Вамъ лекарство; можетъ быть, оно поможетъ. „Какое“? спросилъ онъ меня. Тогда я посовѣтовалъ ему выпить рюмку водки. „Да вѣдь я не пью ее и съ собою не вожу“, сказалъ онъ. Я предложилъ ему своей и онъ выпилъ. Потомъ мы закусили, напились чаю и поѣхали. До первой станціи „Утуликъ“ 33 версты. На 18 верстѣ пришлось переправляться въ бродъ, чрезъ р. „Безымянку“, и вода была въ полбрюха лошади, а затѣмъ, около самой уже станціи, второй бродъ чрезъ р. Утуликъ и съ такимъ же уровнемъ воды. Перемѣнивъ здѣсь лошадей, мы проѣхали еще 25 верстъ до станціи „Хара-Муринъ“, гдѣ и ночевали, расположившись: мы съ А. И. Бибиковымъ на полу, а Николай Николаевичъ на единственной скамьѣ. По пріѣздѣ сюда, съ позволенія Николая Николаевича, я послалъ нарочнаго на слѣдующую станцію „Лангатуй“, съ распоряженіемъ не давать никому изъ остановившихся тамъ ночевать, до нашего проѣзда, лошадей. Зная, что впереди насъ ѣдутъ тоже на Амуръ новобрачные Сгибневы, но не зная, сколько они занимаютъ лошадей, я боялся, что, угнавъ ихъ, они заставятъ насъ потерять день. Раннимъ утромъ мы поѣхали въ Лангатуй, гдѣ нашли Сгибневыхъ и пріѣхавшаго на Амурскую службу юнаго тогда лейтенанта, а теперь

вице-адмирала Я. И. Купріанова. Не желая, въ ожиданіи возврата забираемыхъ нами лошадей, стѣснять молодыхъ Сгибневыхъ и стѣсняться самъ, оставаясь на сутки съ ними въ одной маленькой станціи, онъ попросилъ Муравьева позволить ему ѣхать съ нами, и тотъ позволилъ. Но, такъ какъ, за удовлетвореніемъ насъ, свободною оставалась только одна лошадь, то весь багажъ свой Я. И. оставилъ со Сгибневыми, а съ собою взялъ только шинель, привязавъ ее у себя въ торока. Только что засѣдлали намъ новыхъ лошадей, мы поѣхали дальше на слѣдующую станцію „Нукунъ-Дабанъ“ (18 верстъ) въ вершинѣ хребта того-же имени и, перемѣнивъ здѣсь лошадей, поѣхали на станцію „Снѣжную“. Это, хорошо не помню, 22 или 25 верстъ разстоянія. Когда мы ѣхали къ Нукунъ-Дабану и потомъ дальше къ Снѣжной, то Муравьевъ жаловался, что какая-то пряжка сѣдла третъ ему ногу, хотя это и было собственное его сѣдло. Останавливались, поправляли; но пряжка все-таки терла, и потому рѣшили поправить ее уже на Снѣжной.

Отъѣхавши отъ Нукунъ-Дабана менѣе половины, Муравьевъ спросилъ меня, знаю-ли я хорошо дорогу?“ Ѣздивши по ней раньше, я отвѣтилъ: конечно; да здѣсь, если-бы даже и хотѣлось заблудиться, такъ нельзя; потому что глубокая, снѣжная траншея, по которой мы ѣдемъ и которая тянется до самаго спуска въ долину р. „Снѣжной“, не позволитъ свернуть въ сторону; дальше-же, верстъ 6—7, пойдетъ уже дорога безснѣжная и хорошимъ мѣстомъ. „Ну, такъ пусть всѣ они, сказавъ Муравьевъ, поѣдутъ впередъ, а мы оста-

„новимся и поѣдемъ вдвоемъ. Они пріѣдутъ, всѣмъ „распорядятся, и когда мы пріѣдемъ, то закусимъ и „спать, а на завтра, со свѣтомъ, впередъ". Такъ и сдѣлали, и мы остались только вдвоемъ. Нужно добавить, что какъ Муравьеву, такъ и мнѣ, лошади, съ Нукунъ Дабана, попали необыкновенно тряскія, такъ что мы ѣхали почти все время шагомъ. О многомъ мы переговорили. Вдругъ онъ сказалъ: „сегодня кажется 21 число, „и сегодня уѣзжаетъ изъ Иркутска въ Якутскъ пре„освященный Иннокентій". Подтвердивъ число, я добавилъ о моемъ сожалѣніи, что мнѣ не удается его видѣть и просить по моему дѣлу. „Какому?" спросилъ онъ. Я отвѣчалъ, что относительно исправленія моего метрическаго свидѣтельства, въ которомъ, по излишнему вниманію лично ко мнѣ столоначальника Главнаго Управленія, пріискана ничего незначущая ошибка, изъ за которой найдено невозможнымъ представить къ чину и вотъ, ради этого, я, служа уже на коллежскаго совѣтника, остаюсь все еще въ чинѣ титулярнаго. Муравьевъ замѣтилъ: „развѣ коллежскаго ассесора, а не совѣтника"; но я подтвердилъ ему, что именно служу на коллежскаго совѣтника. Тѣмъ кончился разговоръ нашъ о моихъ чинахъ, и мы вскорѣ спустились съ Нукунъ-Дабанскаго хребта къ р. „Снѣжной", которую и переѣхали въ бродъ. Воды въ ней было далеко меньше, чѣмъ въ Безымянкѣ и Утуликѣ, о которыхъ я говорилъ выше. Только что мы переѣхали на правый ея берегъ, какъ Муравьевъ остановилъ свою лошадь и соскочилъ съ сѣдла. Когда и я сдѣлалъ то-же, то онъ спросилъ меня: „Вы то для чего-же слѣзли? я хочу пройдтись и дать

„отдохнуть ногѣ, которую давитъ пряжка“. Я отвѣчалъ ему: Вы генералъ-губернаторъ, пойдете пѣшкомъ, а я, исправникъ, поѣду верхомъ,—это выйдетъ такъ, какъ-бы я велъ Васъ за карауломъ. Онъ разсмѣялся,и мы пошли вмѣстѣ до станціи, гдѣ, не зная этого, удивлялись, что насъ долго нѣтъ, и потомъ увидѣли, что мы идемъ пѣшкомъ. Муравьевъ былъ ниже меня ростомъ, но шелъ такимъ крупнымъ шагомъ, что идти съ нимъ въ ногу было мнѣ затруднительно. Когда я высказалъ ему, что удивляюсь такому крупному шагу, то онъ отвѣтилъ, что привыкъ имъ ходить въ походахъ, и въ особенности на Кавказѣ, а за симъ посмѣялся надъ тѣмъ, что я не умѣю ходить въ ногу и путалъ-бы строй, если-бы въ немъ былъ.

Опасаясь, чтобы на утро не попали намъ такія-же тряскія лошади, какія у насъ были, я, тотчасъ по приходѣ на станцію, послалъ ямщика за тунгусомъ, содержателемъ лошадей, жившимъ не далеко отъ станціи, и когда онъ пріѣхалъ, то, побранивъ его за дрянныхъ лошадей, приказалъ, чтобы къ утру были приготовлены самыя лучшія. Закусивъ и напившись чаю, мы легли спать. Муравьевъ на такой-же скамьѣ, какъ и въ прошлую ночь, а мы: А. И. Бибиковъ, Я. И. Купріановъ и я, рядомъ на полу. Если-бы къ намъ прибавили еще одного спутника, то лечь ему было-бы уже негдѣ. Такъ малы были выстроенныя когда то на этой, такъ называемой Игумновской, дорогѣ станціи.

Раннимъ утромъ по обыкновенію опять въ походъ къ станціи „Темникъ“, верстъ 25 или 28 отъ Снѣжной. Лошадей тунгусъ доставилъ, дѣйствительно, отличныхъ,

а Николаю Николаевичу ходкаго и на рѣдкость крѣпкаго и сильнаго иноходца. Дорога здѣсь, большею частію, очень хорошая, онъ пускалъ его полнымъ ходомъ, и мы должны были за нимъ уже скакать. Намъ съ Бибиковымъ, людямъ привычнымъ, это было ни почемъ; но тогда еще юноша и морякъ, не привыкшій къ верховой ѣздѣ, Я. И. Купріановъ, видимо такою ѣздою очень утомлялся. Перемѣнивъ въ Темникѣ, кромѣ Муравьевской, лошадей и закусивъ, мы поѣхали послѣднюю станцію моего округа „Алсакъ". Муравьевъ, которому иноходецъ его понравился, поручилъ мнѣ спросить ямщиковъ можетъ ли тотъ, безъ вреда, выдержать вторую станцію, и когда тѣ сказали, что можетъ, то онъ и поѣхалъ на немъ.

Въ Алсакѣ (то-же 20 съ чѣмъ-то верстъ) долженъ былъ встрѣтить уже исправникъ Верхнеудинскаго округа Ѳ. А. Беклемишевъ. Дорогою я доложилъ Муравьеву, что при спускѣ съ хребта въ долину Алсака, мы вѣроятно найдемъ телѣжки, которыя вышлетъ Ѳ. А. Беклемишевъ, такъ какъ тамъ начиналась уже колесная дорога. Тѣмъ-же я утѣшалъ и Якова Ивановича Купріанова уже очень утомленнаго. Такъ оно и случилось: спускаясь съ хребта, мы увидѣли двѣ телѣжки и когда подъѣхали къ нимъ, то я предложилъ Николаю Николаевичу сѣсть въ телѣжку; но онъ отказался и поѣхалъ верхомъ. Такъ мы и поскакали. Скакалъ съ нами и Яковъ Ивановичъ, не согласившійся ни за что пересѣсть въ телѣжку; но за то, когда мы пріѣхали въ Алсакъ, гдѣ встрѣтилъ насъ Ѳ. А. Беклемишевъ, то онъ былъ такъ измученъ, что едва-едва могъ слѣзть со своей лошади.

Получивъ здѣсь отъ Николая Николаевича письмо къ Екатеринѣ Николаевнѣ, я распростился съ нимъ и возвратился въ Иркутскъ.

Въ концѣ августа того года Екатерина Николаевна поѣхала на встрѣчу Николая Николаевича, возвращавшагося съ Амура чрезъ Якутскъ, и я, проводивъ ее до границы Киренскаго округа, остался въ Приленскомъ краѣ моего округа, чтобы, пока получу свѣдѣнія о времени пріѣзда Муравьева, повѣрить въ разныхъ вѣдомствахъ того края пробные умолоты хлѣба. Урожай того года, во всѣхъ вѣдомствахъ округа, оказался изобильный на славу, давно небывалый. Закончивъ умолоты, я возвратился въ Усть-Илгу, послѣднюю на Ленѣ станцію моего округа. Въ ожиданіи Муравьева, я прожилъ здѣсь еще съ недѣлю и вотъ, не помню котораго числа, но не ранѣе какъ въ двадцатыхъ числахъ сентября, рано утромъ прискакалъ ко мнѣ загонщикъ отъ Киренскаго исправника съ извѣщеніемъ, что Муравьевъ на сосѣдней станціи. Поручивъ бывшему при мнѣ засѣдателю, нужному по дѣламъ и въ Иркутскѣ, ѣхать туда впередъ и озаботиться о томъ, чтобы не встрѣтилось задержки и медленности въ нашемъ проѣздѣ, я приказалъ пристегнуть для меня къ легкой почтовой лодкѣ пару лошадей, приготовить нѣсколько ихъ также для лодки Муравьева и пошелъ ждать его на берегъ Лены. Раннимъ утромъ подошла его лодка къ устью р. Илги, впадающей съ лѣвой сторону въ Лену. Какъ только закрѣпили ея причалъ,

я взошелъ на нее. Муравьевъ вышелъ изъ каюты, простился съ сопровождавшимъ его Киренскимъ исправникомъ, поздоровался со мной и разрѣшилъ отправиться впередъ, предваривъ, что на станціи „Жигаловой“, 30 верстъ отъ Илги, они будутъ обѣдать. При этомъ онъ попросилъ меня купить, если можно, налима. Онъ любилъ уху, а налимовъ тогда въ томъ краю было „хоть прудъ пруди“. Я сказалъ, что конечно можно, и отправился въ своей лодкѣ впередъ. Лодка была безъ крыши, легкая, бичевникъ хорошій, и я противъ воды шелъ ровно три часа. Придя въ Жигалову, я имѣлъ довольно времени, чтобы распорядиться о налимѣ и о томъ, чтобы къ тому мѣсту, гдѣ должна была пристать лодка Муравьева, подали, съ запряженными уже лошадьми, присланные изъ Иркутска раньше два его тарантаса.

Вскорѣ прибыла лодка Муравьевыхъ, и когда они изъ нея вышли, то Екатерина Николаевна, увидѣвъ тарантасы, спросила: „развѣ далеко до станціи?“ Я „отвѣчалъ, что не больше полверсты; тогда она сказала: „нѣтъ, мы пойдемъ пѣшкомъ, утомились, долго сидя въ „лодкѣ“. Вотъ и пошли мы тихонько. Первымъ вопросомъ Николая Николаевича былъ „каковъ нынѣ урожай?“ Я отвѣчалъ ему: давно небывалый; но я боюсь одного, и пріостановился. Тогда онъ съ живостію сказалъ: „чего вы „боитесь? говорите“. Я отвѣчалъ ему: боюсь того, Ваше В. П—во, чтобы Вы, въ виду обильнаго, давно небываланго урожая, не стали покупать хлѣбъ для казенныхъ мѣстъ дешевою цѣною, тогда какъ нужно поддержать крестьянъ. Онъ остановился и спросилъ меня:

„а какую, думаете вы, нужно дать цѣну?“ Я обдумывалъ и молчалъ. Тогда онъ живо спросилъ меня: „довольно ли 25 коп. за пудъ ржаной муки?“ Считая эту цѣну хорошею, что и подтвердилось потомъ, такъ какъ зимою въ этотъ годъ хлѣбъ на рынкѣ спускался даже до 18 к. за пудъ, я снялъ фуражку, поклонился и спросилъ его: такъ позволите считать вопросъ рѣшеннымъ и торги по этой цѣнѣ, когда они будутъ, утвердите? „Да, да, сказалъ онъ, пусть продавцы, хоть бы „и убѣждали ихъ понизить цѣну [1]), не понижаютъ“. Такъ на дорогѣ къ станціи была вырѣшена цѣна на хлѣбъ, и по ней была произведена покупка его для казенныхъ мѣстъ. Придя на станцію, Муравьевъ самъ, въ дорожной кастрюлѣ, принялся варить уху. Пока онъ ее готовилъ, изъ словъ его я замѣтилъ, что онъ недоволенъ Иркутскомъ.

Приготовивъ уху, онъ приказалъ Савелью раскупорить взятые съ Амура консервы, какую-то дичь и ананасы, а также бутылку шампанскаго. Какъ она съ нимъ попала, не знаю; онъ никогда его съ собою не возилъ. Потомъ мы приступили къ обѣду. Наливъ въ

---

[1]) Когда въ Октябрѣ мѣсяцѣ съѣхались въ Иркутскъ довѣренные разныхъ вѣдомствъ для продажи хлѣба и явились ко мнѣ, то я приказалъ имъ на окончательномъ торгѣ въ Губернскомъ Совѣтѣ, остановиться на 30 к., а въ Совѣтѣ Главнаго Управленія спустить до 25 к. и больше не понижать. Такъ все было исполнено, и земледѣльцы остались очень довольны. Н. Е. Тюменцовъ, при встрѣчѣ гдѣ-то со мною, вскорѣ послѣ этого, сказалъ, что въ виду отличнаго урожая, довѣренные, раньше утвержденія цѣнъ, пришлются ко мнѣ для убѣжденія къ пониженію. Я отвѣчалъ ему: напрасно такъ сдѣлаете, потому что я раньше имъ совѣтовалъ: но они ниже 25 коп. продать не соглашаются. Такимъ образомъ, хлѣбъ былъ купленъ по той цѣнѣ, которую назначилъ Муравьевъ въ Жигаловой.

стаканы шампанскаго, онъ обратился ко мнѣ, довольно иронически, вопросомъ: „знаете ли за чье здоровье мы „будемъ пить?“ Я тотчасъ же, предупреждая дальнѣйшія его слова, поспѣшилъ отвѣтить: не знаю, В. В. П—во, за чье будете пить Вы; но я выпью исключительно за здоровье Екатерины Николаевны и Ваше. Тогда онъ опять съ ироніею сказалъ: „мы будемъ пить за здо„ровье Иркутска, которому я благодаренъ за излишнее „вниманіе къ моимъ дѣйствіямъ“. Несмотря на это, я выпилъ тостъ, о которомъ сказалъ выше, добавивъ только, что, какъ единственный наличный представитель Иркутска, я искренно и почтительнѣйше благодарю за память о немъ. Кончивъ обѣдъ, поѣхали дальше. Изъ словъ Муравьева при нашихъ остановкахъ на станціяхъ, я замѣтилъ, что онъ недоволенъ Б. В. Струве [1]) и, видимо, на него сердитъ. Хотя я, на сколько это было, при непродолжительныхъ разговорахъ, возможно, старался того обстаивать; но онъ не обращалъ на мои слова вниманія, какъ бы не слышалъ, и переводилъ разговоръ на другое. Въ Иркутскъ мы пріѣхали ночью и потому, сколько могу припомнить, никакой встрѣчи, кажется, не было. На завтра у Муравьева былъ общій пріемъ.

Въ концѣ зимы 1855 г. ожидались въ Иркутскъ, для Амура, 10 тяжелыхъ орудій, изъ которыхъ каждое, какъ говорили, было вѣсомъ въ 520 пудовъ. Не помню

[1]) Объ этомъ недовольствѣ упоминаетъ самъ Б. В. Струве въ своихъ «воспоминаніяхъ о Сибири», стр. 178.

какъ ихъ называли; кажется или бомбическими, или 15 дюймовыми. Хотя перевозкою ихъ и спѣшили, но такъ какъ зимняя дорога уже изчезала, то надѣяться довезти ихъ до Иркутска было нельзя, и поэтому считали бы очень удачнымъ довезти ихъ до Иркутскаго солеваренаго завода, гдѣ, при заводскихъ средствахъ, можно бы было сдѣлать для нихъ сообразные съ ихъ вѣсомъ прочные станки или телѣги, на которыхъ и везти за Байкаломъ до того мѣста, откуда можно будетъ отправить уже сплавомъ. Перевозка орудій этихъ по моему округу была, точно такъ же какъ и въ 1854 г., поручена Муравьевымъ мнѣ [1]). Мнѣ же онъ поручилъ и заготовленіе для нихъ станковъ или телѣгъ. Отправляясь на встрѣчу орудій, которыя сопровождалъ до солеваренаго завода одинъ изъ моихъ засѣдателей, я привезъ къ Муравьеву модель станковъ. Разсмотрѣвъ ее, онъ одобрилъ и приказалъ мнѣ по ней ихъ строить. Имѣя въ виду спѣшность дѣла и опасаясь, какъ бы въ солеваренномъ заводѣ не встрѣтилось недостатка въ рабочихъ силахъ и матеріалахъ, я доложилъ ему объ этомъ. Выслушавъ меня, онъ взялъ на столѣ листъ бумаги и написалъ на немъ слѣдующее: „По требованію Иркут„скаго исправника г. Ефимова предписываю для сна„ряженія колесъ подъ артиллерію давать *немедленно* „кузнецовъ и просто рабочихъ, а также плотниковъ изъ „заводовъ солеваренаго, Александровскаго винокурен-

[1]) Въ 1854 г, теперь уже не помню хорошо, было перевезено мною чрезъ Байкалъ, болѣе 20, тоже тяжелыхъ, но легче этихъ, пушекъ и много возовъ боевыхъ къ нимъ снарядовъ. Въ Посольскѣ я сдалъ ихъ начальству Верхнеудинскаго Округа.

„наго и Тельминской казенной фабрики, сколько нужно, „сверхъ того изъ всѣхъ сихъ мѣстъ отпускать и желѣзо „на тотъ же предметъ подъ его г. Ефимова росписку. „14 марта 1855 года, Иркутскъ. Генералъ-лейтенантъ Муравьевъ".

Получивъ отъ него это предписаніе, я отправился въ Иркутскій солеваренный заводъ и тамъ немедленно приступилъ къ устройству означенныхъ телѣгъ. Оно было кончено въ пятницу на Страстной недѣлѣ Великаго поста и къ этому же дню были приведены лошади, а рано утромъ, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова, мы двинулись по дорогѣ къ Иркутску. Но, не дойдя до него 26 верстъ, я, въ виду начавшейся здѣсь дурной дороги, чтобы не затруднять людей и не мучить лошадей, распорядился вывезти весь обозъ на берегъ р. Ангары и оставить тутъ до того времени, какъ начнется и кончится ледоходъ. Какъ только онъ кончился, пушки и телѣги были взяты судовщикомъ купцомъ Русановымъ на барказъ, переправлены чрезъ Байкалъ и сданы тамъ, для доставки дальше, начальству Верхнеудинскаго Округа.

Послѣ этого порученія Муравьевъ приказалъ мнѣ, когда придутъ въ мой округъ ожидавшіеся для Амура нарѣзные штуцера, принять ихъ и поспѣшить доставить. Исполненіе этого я поручилъ засѣдателю Гурину и зналъ, что все будетъ исполнено. Но 27 марта получилъ отъ Муравьева съ жандармомъ на клочкѣ бумаги, оторванномъ отъ конверта, записку: „Прошу Ивана Владиміровича „увѣдомить меня немедленно какія сдѣланы распоряженія „о провозѣ штуцеровъ, которые идутъ на 15 тройкахъ

„и теперь должны быть въ Нижнеудинскѣ. Муравьевъ". Адресъ на обрывкѣ этомъ: „г. Ефимову, весьма нуж-„ное". Такъ какъ это не было оффиціальное предписаніе, то и я наскоро отвѣчалъ запискою (адресуя ее Его В. П-ву Николаю Николаевичу Муравьеву): честь имѣю почтительнѣйше доложить Вашему Высокопревосходительству, что съ порученіемъ о препровожденіи до Иркутска штуцеровъ посланъ мною, 25 сего мѣсяца, нарочный къ засѣдателю Гурину, которымъ и будутъ доставлены штуцера въ Иркутскъ безъ замедленія. Исправникъ Ефимовъ 27 марта 1855 года. Не прошло часа, какъ тотъ же самый жандармъ возвращается и подаетъ мнѣ мою записку, на полѣ которой Николаемъ Николаевичемъ написано: „г. исправнику Ефимову. „Онъ долженъ самъ проводить ихъ отъ Зимы до Ир-„кутска, чего однако же онъ не зналъ, или не думалъ. „Г. Л. Муравьевъ". Изъ адреса, сдѣланнаго Муравьевымъ на запискѣ, самаго текста и подписи, я видѣлъ, что онъ недоволенъ и вѣроятно сомнѣвается въ точномъ исполненіи его распоряженія. Подозрѣвая, что вѣроятно кто нибудь, или по излишней услужливости, или по неопытности и незнанію хода дѣла, вмѣшавшись со стороны, передалъ обо всемъ не такъ, какъ было должно, я тотчасъ поѣхалъ къ Муравьеву и успокоилъ его въ томъ, что штуцера будутъ доставлены своевременно; что и было исполнено.

Въ срединѣ Святой Недѣли Муравьевъ вмѣстѣ съ Екатериной Николаевной, послѣ обѣда, даннаго ему об-

ществомъ, въ 4 верстахъ отъ Иркутска, въ станицѣ „Разводной“, отправился за Байкалъ еще по льду, но по послѣднему пути. Экипажи, со снятыми колесами, были поставлены на сани, и съ нами, на случай переправы чрезъ щели, были взяты доски. Проводивъ его такимъ образомъ въ апрѣлѣ въ Посольскѣ, я встрѣтилъ его, возвращающимся изъ этой второй Амурской экспедиціи, уже на Ленѣ, опять въ Устьилгѣ, въ декабрѣ. Онъ ѣхалъ одинъ, а Екатерина Николаевна выѣхала изъ Якутска послѣ. Поэтому я, проводивъ его до Иркутска, возвратился утромъ 23 Декабря опять въ Устьилгу, куда въ тотъ же день пріѣхала и она, а рано утромъ, 25 Декабря, мы были уже въ Иркутскѣ. Здѣсь приведу я нѣсколько словъ изъ нашего съ нею разговора въ Устьилгѣ. Когда мы тамъ закусывали, она неожиданно спросила меня: „Иванъ Владиміровичъ, „а что вашъ чинъ?“ Удивленный подобнымъ вопросомъ, я отвѣчалъ тоже вопросомъ: да Вы то какъ же знаете о моемъ чинѣ? „Мнѣ говорилъ объ этомъ „Nicolas“, отвѣчала она. Описывая выше кругобайкальскую нашу съ Николаемъ Николаевичемъ поѣздку, я упомянулъ уже о бывшемъ у меня съ нимъ по этому поводу разговорѣ. Я его при этомъ ни о чемъ не просилъ, словъ моихъ ни въ какую памятную книжку онъ не записывалъ, да и занятъ былъ далеко болѣе серьезными дѣлами, чтобы помнить о моемъ чинѣ. Оказалось, что онъ помнилъ и вошелъ въ переписку о моемъ метрическомъ свидѣтельствѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ; но корабль Россійско-Американской К° „Ситха“, на которомъ были отправлены всѣ документы,

былъ въ 1855 г. взятъ въ плѣнъ непріятелемъ. Не доказываетъ ли этотъ, хотя и очень не важный, случай, какъ заботился Муравьевъ о служащихъ? Онъ даже разсказалъ объ этомъ Екатеринѣ Николаевнѣ. Разговоръ нашъ съ нею я заключилъ, сказавъ: теперь производство мое въ чинъ зависитъ уже отъ лорда Пальмерстона, а не отъ Николая Николаевича, и объяснилъ причину этого, чему она очень смѣялась.

Въ январѣ 1856 года Муравьевъ командировалъ меня къ исправленію должности горнаго исправника золотыхъ промысловъ сѣверной части Енисейскаго округа, и я, проводивъ его, уѣзжавшаго въ Петербургъ, въ послѣдній разъ, какъ Иркутскій земскій исправникъ, до Зиминской станціи, переѣхалъ на службу въ Енисейскую губернію. Тамъ нѣкоторые изъ управляющихъ промыслами, попавшими, по несостоятельности ихъ владѣльцевъ, въ управленіе опекъ, администрацій и конкурсовъ—люди, старавшіеся „ловить въ мутной водѣ рыбу“, за то, что я требовалъ отъ нихъ соблюденія установленныхъ закономъ правилъ и обстаивалъ рабочихъ, повели противъ меня, у Енисейскаго губернскаго начальства, интриги. Вслѣдствіе ихъ, Муравьевъ, проѣзжая въ 1857 г. чрезъ Красноярскъ въ Петербургъ, распорядился перевесть меня на такую же должность по золотымъ промысламъ Бирюсинской системы. Бывъ на пріискахъ, объясниться съ нимъ я не могъ. Но считая себя обиженнымъ этимъ распоряженіемъ и находя, по моимъ убѣжденіямъ, невозмож-

нымъ и безполезнымъ дѣлу служить при потерѣ довѣрія, я подалъ прошеніе, въ которомъ прямо откровенно сказалъ, что не желаю продолжать службу, и просилъ уволить меня въ отставку. Меня уволили 8 Февраля 1858 г. еще до возвращенія Муравьева. Получивъ аттестатъ о службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ получивъ и принявъ приглашеніе лучшихъ и болѣе солидныхъ золотопромышленниковъ поступить на службу къ нимъ (на службѣ этой я былъ 10 лѣтъ), я рѣшилъ дождаться въ Иркутскѣ Муравьева, и, чтобы не осталось между нами никакихъ недоразумѣній, объясниться съ нимъ. Дня чрезъ 2 или 3 послѣ пріѣзда его въ Иркутскъ, явившись къ нему часовъ въ 8 утра, я былъ принятъ по прежнему такъ, какъ бы ничего между нами не произошло, и онъ очень удивился, узнавъ, что я уже въ отставкѣ. Объ этомъ вѣрно ему еще не доложили. Послѣ разговора, продолжавшагося по крайней мѣрѣ часъ, въ которомъ было мною высказано ему все подробно, я всталъ и хотѣлъ откланяться. Онъ также всталъ и подавъ мнѣ руку, сказалъ: „Иванъ „Владиміровичъ, если вы будете имѣть надобность въ „службѣ, то мѣсто для васъ у меня всегда готово“. Поблагодаривъ его, я отвѣтилъ: дай Богъ, чтобы я не встрѣтилъ въ этомъ никогда надобности. Находчивый всегда Муравьевъ, не выпуская руки моей, началъ говорить то и другое, и опять сказалъ: „я долженъ повторить вамъ, Иванъ Владиміровичъ, что „если вы будете имѣть надобность въ службѣ, то „мѣсто для васъ у меня всегда готово“. Простите, отвѣчалъ я ему, меня, В. В. П-во, что и я долженъ по-

вторить желаніе, чтобы Богъ далъ мнѣ никогда не имѣть въ этомъ надобности. Давъ слово поступить на службу частную, я не могу измѣнить его. Тогда онъ сказалъ мнѣ: „да, правительственная служба не пред„ставляетъ достаточнаго обезпеченія“, и мы разстались. Такъ кончилась моя служба при Муравьевѣ, и вотъ минуло 38 лѣтъ, какъ я въ отставкѣ.

Простившись съ Николаемъ Николаевичемъ въ Петербургѣ, послѣ перваго Амурскаго обѣда [1]), который сибиряки и служившіе въ В. Сибири давали ему 1 Марта 1861 г., послѣ поднесенія, въ память заключенія Айгунскаго трактата, часовъ (что все описано уже И. П. Барсуковымъ), я возвратился въ Сибирь и съ того времени не видѣлся съ нимъ до 1875 года. Въ началѣ іюня того года, пріѣхавъ въ Парижъ, я тотчасъ же отправился въ нашу церковь и, узнавъ тамъ о квартирѣ его (помнится, улица Мироменіль, 83), поѣхалъ къ нему. Хотя это было только часовъ въ 9 утра, но я его уже не засталъ. Лакей, сказавъ мнѣ, что онъ по обыкновенію ушелъ гулять и застать его можно въ 11 часовъ, спросилъ мою карточку. Попросивъ его сказать Николаю Николаевичу, что былъ сибирякъ, который пріѣдетъ опять къ 11 часамъ, я

[1]) Этотъ обѣдъ, по предложенію бывшаго Иркутскаго военнаго губернатора К. К. Венцеля, послужилъ началомъ ежегодно, если не ошибаюсь, съ тѣхъ повторяющихся Амурскихъ обѣдовъ. По этому бывшій 25 Февраля сего года обѣдъ, въ которомъ имѣлъ честь участвовать и я, обозначенъ № 34 едва ли правильно. Если не было никакихъ перемѣнъ, то его слѣдовало бы считать № 36.

уѣхалъ, не оставивъ карточки. Пріѣзжаю въ 11 часовъ, а лакей говоритъ мнѣ, что Николай Николаевичъ приходилъ и опять куда-то ушелъ. Удивленный этимъ, я начинаю его разспрашивать, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздается: „дома, дома“, выбѣгаетъ Муравьевъ и начинаетъ обнимать меня, спрашивая, я ли былъ утромъ и почему не оставилъ карточки. Я отвѣчалъ, что мнѣ хотѣлось испытать, узнаетъ ли онъ меня чрезъ 14 лѣтъ. Екатерины Николаевны не было дома. Она, какъ онъ сказалъ мнѣ, ушла гулять и скоро возвратится. Мы пошли въ комнату, изъ которой онъ ко мнѣ выбѣжалъ, сѣли тамъ, и онъ началъ меня разспрашивать о моихъ дѣлахъ и семьѣ, потомъ, пріостановивъ разговоръ, какъ-бы вслушиваясь, сказалъ: „вотъ и жена „пришла“, а затѣмъ уже крикнулъ: „Catherine, Cathe-„rine! Ефимовъ пріѣхалъ и все такъ же насъ любитъ, „какъ прежде“. Пришла Екатерина Николаевна, мы съ нею поздоровались, и она пригласила насъ завтракать. Завтракъ нашъ, за разговорами и воспоминаніями, тянулся до 3 часовъ, несмотря на то, что Николай Николаевичъ долженъ былъ вечеромъ уѣхать на какой-то свой обычный курортъ. Оба они съ большимъ сочувствіемъ и любопытствомъ разспрашивали о Сибири и знакомыхъ. Когда мы встали изъ-за стола, и я съ ними простился, то Николай Николаевичъ спросилъ меня, куда я пойду. Я отвѣчалъ ему, что мнѣ необходимо нужно зайти въ какой-нибудь магазинъ, чтобы заказать себѣ платье, но что, не зная ничего въ Парижѣ, я какъ въ лѣсу. Тогда онъ тотчасъ-же вызвался проводить меня въ свой (Aux montagnes d'Ecosse), гдѣ я

и могу заказать все, что нужно. Опасаясь, что это какой нибудь аристократическій и дорогой магазинъ, я высказалъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что недорогой и что тутъ заказываетъ, какъ онъ выразился, „другаго рода „аристократія“. Пришли въ магазинъ, онъ меня отрекомендовалъ и тутъ, распростившись, ушелъ, при чемъ оба мы искренно пожалѣли, что такъ мало другъ съ другомъ провели времени.

Въ маѣ 1876 и 1877 годовъ, живя въ Петербургѣ, я, по поводу вопроса о Сибирскомъ университетѣ, въ газетѣ, издававшейся В. А. Полетикой („Биржевыя Вѣдомости“, переименованныя потомъ въ „Молву“), помѣстилъ двѣ мои статьи о томъ, что университетъ этотъ гораздо правильнѣе и полезнѣе будетъ устроить въ Томскѣ, а не Омскѣ. Въ послѣдней изъ этихъ статей я говорилъ между прочимъ, что при рѣшеніи этого вопроса необходимо узнать мнѣніе хорошо знакомыхъ съ Сибирью бывшихъ: генералъ-губернаторовъ Западной Сибири—Дюгамеля и Восточной—графа Муравьева-Амурскаго; губернаторовъ Томскаго—Озерскаго и Тобольскаго—Деспота Зеновича и, какъ родившагося и служившаго въ Сибири, князя М. С. Волконскаго, бывшаго тогда попечителемъ СПБургскаго учебнаго округа. Всѣмъ означеннымъ выше лицамъ, кромѣ графа Муравьева, я доставилъ по экземпляру моихъ статей, а Николаю Николаевичу хотѣлъ послать въ Парижъ. Но, узнавъ, что онъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ Большой Конюшенной въ гости-

ницѣ Демута, я отправился, утромъ 16 мая, къ нему; но уже не засталъ дома и поэтому, оставивъ обѣ статьи, на карточкѣ моей написалъ, что разсчитываю вполнѣ на сочувствіе его къ Томску и пріѣду завтра. Такъ я и сдѣлалъ, пріѣхавъ къ нему въ обычные 8 часовъ утра. Поздоровавшись, онъ тотчасъ-же, съ живостію, сказалъ: „неужели вы думали, что я буду говорить за Омскъ? „Конечно, университетъ должно устроить въ Томскѣ. „Вездѣ, гдѣ только будетъ можно и нужно, я буду это „обстаивать. Я писалъ уже сюда объ этомъ изъ Па„рижа, когда Головинъ поздравилъ меня телеграммою „о разрѣшеніи устройства университета, но не въ Том„скѣ, а въ Омскѣ, что это было-бы большою ошибкою". Потомъ разговоръ перешелъ на дѣла Сибири, и я, по убѣжденію моему, высказалъ ему сожалѣніе, что онъ рано оставилъ Сибирь. Отвѣтъ его былъ обычный: разстроенное здоровье. Много разъ бывалъ я у Муравьева въ это его здѣсь пребываніе, и когда встрѣчался у него съ А. И. Деспотомъ Зеновичемъ, то оба мы высказывали ему наше сожалѣніе о раннемъ оставленіи Сибири и получали одинъ и тотъ-же отвѣтъ. Въ послѣдній разъ я былъ у него проститься, передъ моимъ отъѣздомъ въ Сибирь, въ первой половинѣ августа 1877 года. Я засталъ тогда у него вдову М. С. Корсакова, Александу Корниловну, и А. И. Деспота Зеновича. Посидѣвъ довольно долго, я откланялся; но Муравьевъ, простившись со мною въ комнатѣ, вышелъ въ корридоръ и тамъ, опять обнявъ меня, сказалъ: „ну, „Ив. Владиміровичъ, больше въ мірѣ этомъ мы не уви„димся". Слова его оправдались.

Предоставляю читателю, не предубѣжденному противъ Муравьева, дѣлать о личности его изъ описанія моего свое заключеніе; но думаю, что всякій согласится, что это былъ человѣкъ доступный возраженіямъ и умѣвшій выслушивать независимыя мнѣнія, нетерпѣвшій канцелярскаго формализма и волокиты, простой и добрый въ обращеніи и непритязательный къ неудобствамъ, какія испытывалъ въ своей подвижной жизни. Какъ каждый человѣкъ, да еще столько потрудившійся и встрѣчавшій еще, при пылкомъ характерѣ своемъ, столько раздражавшихъ его противодѣйствій и недоброжелательствъ, конечно, и онъ былъ не безъ ошибокъ и недостатковъ; но всѣ они съ избыткомъ вознаграждаются какъ вышеупомянутыми его свойствами, такъ еще далеко болѣе всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано имъ для Отечества.

Я же, въ заключеніе, повторю здѣсь о всемъ написанномъ мною слова одного такъ же рано, какъ выше я сказалъ о другомъ, погибшаго писателя:

«Повѣрьте, это все сначала,
«По пунктамъ истина скрѣпляла».

Да не подумаетъ кто-нибудь изъ прочитавшихъ эти воспоминанія, что, говоря въ нихъ по необходимости и о себѣ, я дѣлалъ это съ цѣлію самовосхваленія. Строки эти никогда бы не показались на свѣтъ, а остались у дѣтей моихъ, въ моей, которую я пишу для нихъ, автобіографіи. Появленіемъ въ печати теперь онѣ обязаны исключительно г. Буцинскому, показавшему, на основаніи подобранныхъ имъ для соста-

ленія рецензіи недостовѣрныхъ источниковъ, Муравьева такимъ, что никто его не узнаетъ.

Нашъ славный Пушкинъ сказалъ: „злословіе даже безъ доказательствъ оставляетъ почти вѣчные слѣды“. Вотъ, чтобы не осуществилось этого, необходимо, для охраненія памяти Муравьева отъ такихъ отзывовъ, какіе сдѣлалъ г. Буцинскій, всѣмъ оставшимся въ живыхъ сослуживцамъ и сотрудникамъ Николая Николаевича, а также и бывшимъ его преемникамъ, по возможности, дать о немъ свои правдивые отзывы. Этого потребуетъ исторія, суда которой Муравьеву бояться нечего.

Іюнь 1896 г.
С.-Петербургъ.